

УДК 340

Бугаенко Юлия Юрьевна

кандидат философских наук,

преподаватель кафедры уголовного права,

Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина

yulianzone@mail.ru

Uliya Yu. Bugayenko

candidate of philosophy,

lecturer of the Department of criminal law,

Kuban state University agrarian University of I.T. Trubilin

yulianzone@mail.ru

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ И ЕГО ТРАНСФОРМАЦИЯ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИУМЕ

LEGAL NIHILISM AND ITS TRANSFORMATION IN MODERN SOCIETY

***Аннотация.** Статья посвящена теоретико – правовому анализу сущности понятия «нигилизм» и месте в его структуре правового нигилизма.*

Как отмечает автор, правовой нигилизм является одним из видов общественного нигилизма, в основных сущностных моментах обладая присущими последнему свойствами и категориальными характеристиками, в частности, антисоциальным характером, сознательным отказом от социально одобряемого поведения и дестимулированием реализации социальных норм в повседневной жизни.

***Ключевые слова:** нигилизм, правовой нигилизм. Общественный нигилизм, правовая культура, право, правовое государство, гражданское общество.*

***Annotation.** The article is devoted to theoretical-legal analysis of the notion of "nihilism" and place in its structure of legal nihilism. As the author notes, legal nihilism is a type of public nihilism in key substantive points possessing inherent in the latest properties and categorical characteristics in particular anti-social character, conscious waiver of socially approved behavior and destimulirovaniem of social norms in everyday life.*

***Key words:** nihilism, legal nihilism. Public nihilism, legal culture, law, legal State and civil society.*

В результате анализа научных источников, посвященных исследованию современного состояния правовой культуры в Российской Федерации, мы пришли к выводу о том, что самым серьезным негативным фактором в ее структуре является правовой нигилизм, который, в свою

очередь, порождает социальную аномию, общий аксиологический и когнитивный вакуум (снижение ценностного статуса морали, нравственности, непонимание происходящего), распространение неправовых практик и противоправного поведения вследствие трансформационных процессов в обществе, а также отчуждение права.

Правовой нигилизм как специфический негативный тип мировоззрения по отношению к праву в силу своей распространенности вызывает в настоящее время повышенный интерес у исследователей. Будучи, с одной стороны, неотъемлемым элементом складывающегося деформированного типа правовой культуры, он, в то же время, представляет собой разновидность нигилизма как целостного философско-мировоззренческого образования, давно занявшего свое место в современной европейской культуре.

Правовой нигилизм и нигилизм вообще — достаточно длительно существующее и распространенное в мире явление, которое можно рассматривать как характерное для определенного этапа развития европейской цивилизации.

М. Хайдеггер, анализируя европейский нигилизм как явление фундаментальное для современного сознания, выявил его ключевые черты[1]. Во-первых, мировоззренческий нигилизм — это господство бессмысленности, обеспеченности всего сущего. Отсутствие адекватной укорененной в абсолюте ценностной иерархии приводит к пониманию равнозначности всех ценностей, их относительности, а, следовательно, в конечном счете, отсутствия в них какого-либо общезначимого. Во-вторых, нигилизм раскрывается в убеждении, что жизненный мир человека, общество состоят из «психологических потребностей» и представляют собой только сеть пересекающихся частных интересов. Отсюда вытекает идея об отсутствии в мире и обществе единой наполненной смыслом организации, порядка и целостности.

Термин «правовой нигилизм» используется для характеристики разных правовых явлений и для описания различных сторон нигилистического поведения общественных субъектов.

По мнению К. Г. Федоренко, правовой нигилизм - одно из тех понятий, которое ныне активно «эксплуатируется» как в научной, так и в публицистической литературе, используется в официально-деловом языке, политико-дипломатическом обороте и бытовом лексиконе[2, с.16].

Правовой нигилизм является одним из видов общественного нигилизма, в основных сущностных моментах обладая присущими последнему свойствами и категориальными характеристиками, в частности, антисоциальным характером, сознательным отказом от социально одобряемого поведения и дестимулированием реализации социальных норм в повседневной жизни.

Обращение к проблеме общественного нигилизма при исследовании правового нигилизма необходимо, так как это создает необходимые предпосылки для более глубокого, фундаментального исследования

изучаемого явления и составляет методологическую основу, на которой должна строиться конструкция правового нигилизма. Общим для правового нигилизма и общественного нигилизма является то, что они проявляются через неправомерное и антисоциальное поведение индивида сознательно и по его собственной воле.

Рост в современном российском обществе нигилистического отношения к праву сопровождался ростом исследовательского интереса российских философов к проблеме несоблюдения государством прав и свобод человека. Эта проблематика была рассмотрена в работах Бородин В. В.[3], Крусс В. И.[4], Козлихин И. Ю.[5] и др.

В XXI веке государственное и общественное отношение к правовому нигилизму изменилось. Он стал рассматриваться как угроза национальной безопасности и формированию правового государства, как негативный социально-правовой фон, в котором формируются радикальные антиобщественные настроения. Эта проблема стала предметом исследования Демидова А. И.[6], Карпова Л., [7], Попова [М.Ю.[8] и др. Эти исследователи, в целом, согласны с мнением С.В. Патрушева[9], что окончательное вхождение России в современность будет означать переход «от моральной регуляции к регуляции правовой».

Определенный вклад в исследование нигилизма как социокультурного феномена внесли и другие современные отечественные исследователи. А.И. Новиков, например, считает, что признаком нигилизма является не объект отрицания, а степень отрицания, его категоричность и всеобщность. «Общей особенностью всех форм нигилизма является то, что в разной мере им присущи абсолютизация субъективного, точнее, индивидуального начала, оценка действительности с позиции атомизированного индивида, отвергающего объективные закономерности, логику истории, коллективные интересы социальных общностей людей»[10, с.12].

Более частным и конкретным проявлением нигилизма как социокультурного феномена является правовой нигилизм. Следовательно, под последним надо понимать релятивизацию аксиологических установок сознания в правовой сфере, по отношению к праву. Этому пониманию соответствуют имеющиеся в современной отечественной научной литературе определения правового нигилизма. Так, Н.И. Матузов видит сущность правового нигилизма «в общем негативно-отрицательном, неуважительном отношении к праву, законам, нормативному порядку»[11, с.590].

Придерживаясь понимания правового нигилизма как феномена культуры, можно согласиться и с позицией И.Д. Невважай, которая нам представляется довольно эвристичной[12, с.27]. С данной точки зрения правовой нигилизм можно объяснить подспудным социокультурным несоответствием между требованиями, предъявляемыми актуальной правовой культурой, и архетипическими в своей основе представлениями о праве. Из этого противостояния вытекает общее негативное отношение к чуждому правопониманию и чуждой модели права в культуре. В таком случае правовой нигилизм может быть присущ как нормативному, так и

естественно-правовому типу правовой культуры. Если ценности разных типов правовой культуры несовместимы, если каждый тип культуры является специфической формой освоения, понимания, интерпретации действительности, то каждая из них либо находит в действительности или не находит то, что соответствует ее системе ценностей. Взаимная оценка культур может привести к обоюдному непризнанию ценностей. В таком случае и возникает правовой нигилизм, представляющий собой не просто субъективную недооценку права, обусловленную низким уровнем юридического образования, правосознания и правовой культуры, а неприятие конкретного типа правопонимания.

Корни правового нигилизма были крепки в правосознании русского народа: десятилетия правового отчуждения, отторжения права сделали свое дело — сегодня мы пожинаем плоды этого застарелого порока, не искореняя, а порою даже обогащая его новым содержанием[13, с.143].

Так, А. Ослунд[14, с.80], утверждает, что российское право не укоренилось достаточно прочным образом, несмотря на то, что было принято множество законов, и все правовые учреждения подверглись существенному переустройству, так как всегда существовал конфликт интересов — реально необходимых на тот момент группе с доминирующим экономическим интересом (в момент перестройки — номенклатуре) и провозглашаемым (идея правового государства противоречила самой сути деятельности номенклатуры). Ситуацию столкновения элементов разных правовых культур мы обнаруживаем в современной России[15, с.102].

Исследователи сходятся на мнении, что правосознание современного россиянина остается на невысоком уровне. При этом выдвигается тезис о безуспешности или торможении построения правового государства, когда правосознание граждан и элиты оперирует, по большей части, псевдоправовыми категориями.

Неуважение к праву и институтам государственной власти является доминантой нигилистической деформации правопонимания и проявляется на уровне практического отношения к праву, в направленности правового поведения.

Правовой нигилизм основывается на игнорировании таких главных свойств и качеств права, как обязательность, принудительность и всеобщность. Если обязательность и принудительность права в общественном сознании игнорируются по причинам слабости исполнения норм права и недоверия к правовой системе со стороны людей, в целом, то индивиды пренебрегают нормативными требованиями, создаваемыми государственными органами и обеспечиваемыми, в необходимых случаях, институтами государственного принуждения. Игнорирование всеобщности права подразумевает, что индивиды не воспринимают правовые нормы как относящиеся именно к ним и регулирующие их поведение. В целом, многие граждане России выступают за развитие правового государства, но не относят всеобщность правовых требований, ограничивающих индивидуальное поведение, применительно к себе и своим не правовым

поступкам.

В структуру правового нигилизма входят такие элементы, как объективная и субъективная стороны, субъект и объект.

Объективная сторона правового нигилизма выступает как совокупность исторически сложившихся социокультурных условий, способствующих формированию нигилистического отношения в обществе к праву. Правовой нигилизм основывается на способности индивида сознательно и по своей воле не следовать предъявляемым со стороны государственных органов правовым требованиям. Субъектом правового нигилизма является как отдельная личность, так и социальные общности, и общество в целом. Следовательно, обществу в целом и каждой социальной группе как его составной части присущ правовой нигилизм.

Субъективная сторона правового нигилизма проявляется как осознание субъектом социально-правовой действительности, где основой субъективной стороны выступает наличие свободы или воли человека. Субъективная сторона зависит от характера противоправного поведения конкретных социальных субъектов, и акцент делается, таким образом, на внутренней психологической стороне правового нигилизма. Объектом воздействия правового нигилизма являются социально-правовые связи между обществом, индивидом и государством.

На уровне индивидуального субъекта правовой нигилизм разрушает основные сферы восприятия правовой сферы [16, с.384]:

1. Познавательную (правовые представления, правовое мышление и идеологию).
2. Оценочную (правовые эмоции и чувства, в которых выражаются нерелективные оценки социально-правовой и политической реальности, а также правовые ценности, получившие рефлективное обоснование в общественном сознании).
3. Мотивационную (правовую волю как способность индивидов к самоконтролю и саморегуляции правового поведения, правовые установки как интеллектуально-эмоциональные, волевые образования, которые являются результатом практической реализации ценностного отношения с участием воли, выполняющей роль энергетического двигателя).
4. Сферу формирования правового опыта.

По нашему мнению, было бы ошибкой полагать, что люди будут сами по себе следовать правовым моделям поведения и искоренять нигилистическое отношение к праву в своем сознании. В современной философии права (Алексеев С. С. [17], Аринин А. Н. [18] и др.) существует концептуальная неопределенность относительно того, каким образом и в какой мере возможна принудительность правового воздействия государства на общество в российских социокультурных условиях традиционного не уважения к праву и правовым ценностям.

Правовой нигилизм не возникает, если государство существует не в отрыве от гражданского общества, а в согласии с ним, и если гражданское общество путем сотрудничества и партнерства с государственными

институтами решает собственные задачи и проблемы правовыми методами. Гражданские организации – это традиционно важный институт формирования общественного сознания. Вокруг гражданских организаций формируется актив местных сообществ, который постоянно находится в непосредственном контакте с населением и позиции которого могут реализоваться как на локальном уровне, так и быть переданы на региональный и федеральный уровень власти через посредничество государственных органов. Стабильность экономической сферы гражданских организаций имеет значение для укрепления авторитета гражданских лидеров в глазах населения, в противном случае в условиях экономической зависимости от власти и невозможности решения волнующих жителей проблем, добиться такого авторитета невозможно.

Только сильное гражданское общество обеспечивает эффективные механизмы сдерживания коррупционных интересов власти. Учет интересов и мнения широких кругов гражданского общества позволит обеспечить не только правовую стабильность, но и заметно повысит эффективность борьбы с правовым нигилизмом. Представители гражданских организаций должны активно участвовать в общественно-политической жизни регионов, в том числе в публичных слушаниях, в выработке решений органов власти, в общественных советах, выступают в средствах массовой информации, организуют сходы граждан и открытый диалог между гражданским обществом и властью. Гражданские организации являются тем «приводным ремнем», который создает социально-правовую среду соблюдения законов. Гражданские лидеры хорошо знают особенности и проблемы территории и населяющих ее людей. Они способны предложить наиболее эффективную тактику реализации правовых стратегий и проектов, разработанных на федеральном уровне, а также обеспечить для руководителей властей непрерывную и достоверную «обратную связь».

Современная российская политическая система не предполагает обратной связи с обществом через свободные СМИ и честные выборы. Несмотря на отсутствие в России законодательных препятствий для ведения журналистской деятельности, независимые СМИ сталкиваются с серьезными проблемами. Пресса и телевидение лишь в незначительной своей части работают на реализацию интересов гражданского общества. Доля независимых СМИ в информационном поле постепенно уменьшается. Учредителями большинства региональных и муниципальных газет выступают органы муниципальной и региональной власти, что отражается и на редакционной политике этих изданий, и на их экономической независимости. Основные издания субсидируются из средств региональных и местных бюджетов и становятся информационными лоббистами власти.

Основным институциональным элементом обеспечения работы власти в интересах общества остается гражданский контроль. Хотя при всех органах исполнительной власти созданы наблюдательные советы из представителей гражданского общества, на их обсуждение до сих пор не выносятся решения по принципиальным вопросам.

Гражданское общество необходимо для существенного обновления власти в России и трансформации государственной машины в государство, дружественное собственным гражданам. Без гражданских организаций в России невозможна «антибюрократическая революция», которая сможет повернуть государство лицом к гражданам, заставить его на практике служить людям, обеспечить реализацию принципа, заключающегося в том, что государство существует для человека, а не человек для государства. У гражданского общества должна быть институциональная возможность воздействовать на власти, заставлять их прислушиваться к нуждам людей, корректировать ошибочную политику. Изучение общероссийской ситуации с гражданскими организациями показывает, что развиваются и различные формы конструктивного взаимодействия общественности и властей, механизмы общественного контроля и механизмы цивилизованного согласования интересов различных социальных групп.

Гражданские лидеры обмениваются социально значимой информацией в социальных сетях и предоставляют важную информацию властям о ходе выполнения важнейших национальных задач в регионах, об отношении граждан к различным инициативам власти, а также предложения по корректировке принятых решений. Но если лидеры гражданского общества пропагандируют неправовые способы решения социальных конфликтов, то уровень нигилистического отношения в социуме к праву возрастает.

Правовой нигилизм, даже если он не сопровождается активными противоправными действиями, далеко не безразличен для общества и государства. Государство заинтересовано в значительном сокращении, а по возможности, и в минимизации правового нигилизма.

Часть российских граждан исполняют требования правовых норм сознательно и добровольно. Они подчиняются правовым нормам, поскольку правовое поведение им удобнее и выгоднее. Однако государство вынуждено в некоторых случаях использовать принудительные правовые, административные и силовые средства, поскольку правомерное поведение свойственно далеко не всем индивидам. В философско-правовом понимании принуждение означает воздействие на волю одного индивида или множества людей с целью подчинить их поведение соответствующим требованиям закона, нормативно-правового акта или властной политической или административной воле принуждающего.

Обычно, на рост нигилистического отношения к праву в общественном сознании государство реагирует тем, что использует весь арсенал защитных правовых, административных и политических средств, имеющихся у него в распоряжении для борьбы с правовым нигилизмом. Политика, не обеспеченная законной силой государственной власти, теряет качества правовой, поскольку ослабевает механизм, способный принуждать индивидов к соблюдению норм права. Наполнение силового государственного принуждения правовым содержанием передает ему правовые ценности. В этом смысле, «правовая политика категорически представляет собой стратегию государственно-правового развития в

соответствии с определенной иерархией ценностей»[19, с.7].

Как подчеркивают современные российские теоретики права, центральным элементом правовой политики выступает не слово, теория и даже убежденность как таковые, а практика их реализации[20]. В другом определении подчеркивается, что «правовая политика есть способ организации правовой жизни общества, которая выражается в правовых актах и правоотношениях, определяет специфику и уровень правового развития общества»[21, с.9].

В России государственное принуждение реализуется путем авторитарного насилия, за которым часто скрывается не общественно значимая цель или необходимость соблюдения правовой процедуры, а административный произвол правящих элит. Эта политика сочетает грубое применение полицейской силы и административного давления со слабым использованием политического диалога. В результате, решение системных проблем правовой сферы откладывается, уступая место ограниченным законодательным инициативам.

Росту правового нигилизма способствует слабость государственного принуждения к исполнению правовых норм в случае их нарушения. Его эффективность не велика в условиях усиливающейся криминализации государственных структур и правоохранительных органов. Низкий образовательный уровень, непрофессионализм, незаинтересованность и авторитарность должностных лиц является серьезным препятствием для построения правового государства. России необходим качественно новый класс чиновников и управленцев.

Российская бюрократическая каста пронизана негодными для построения правового государства традициями и культурой управления. В существующей управленческой системе политические решения принимаются кулуарно, прямое обсуждение действий чиновников высшего звена ограничено, а в среде чиновников доминирует административная круговая порука, защищающая неудачливых управленцев от ответственности за свои провалы. Нередко, государственные служащие активны, настойчивы и последовательны, только когда решают свои личные экономические проблемы, подключая мощный государственный аппарат и неформальные связи. Под видом прогрессивных экономических реформ нередко принимаются законы и правовые нормы в лоббистских целях отдельных корпораций и промышленных групп. В России все основные предприятия поделены между несколькими сотнями семейств, которые приближены к власти, что указывает на высокий уровень монополизации бизнеса и политики.

Структура собственности российских компаний непрозрачна. Непрозрачными являются также тарифы и издержки естественных монополий. Закрытые круги приближенных к государственной власти бизнесменов или бизнесменов - родственников чиновников часто совершают сделки в ущерб федеральному, региональному и местному бюджетам, в результате конкуренты устраниваются с рынка и возникают локальные

монополия.

Как подчеркивает Г. П. Зинченко, «в культуре наших чиновников сложились устойчивые аномалии, унаследованные от прошлого, которые создают помехи для эффективного функционирования госаппарата»[22, с.24]. Одной из таких социокультурных аномалий является коррупция. Коррупционерами являются не все чиновники и сотрудники правоохранительных органов, потому что большинство не имеет возможностей получать коррупционные поборы с населения.

Коррупция является в России номенклатурной привилегией. «Обмен политического капитала на ресурсы личного благосостояния стал основной реальностью, с которой столкнулся политический деятель новой России. И он стремится не упустить представившиеся возможности, инстинктивно чувствуя их недолговечность»[23, с.30].

Обвиняемые в коррупции, в основном, пересаживаются из одних кресел в другие. Общая система организации работы бюрократического аппарата и система его мотивации остаются нетронутыми. Поскольку многие чиновники фактически не взаимодействуют с населением и/или бизнес структурами, они не являются коррупционерами, но коррупционные возможности у проверяющих структур достаточно велики. Самыми доходными местами считаются руководящие посты в муниципальных и региональных администрациях, где средний размер взятки начинается от 1 миллиона рублей[24, с.34].

Литература

1. Хайдеггер М. *Европейский нигилизм* // Хайдеггер М. *Время и бытие*. М., 1993. С. 63-176.
2. Федоренко К. Г. *Правовой нигилизм. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук*. Нижний Новгород: НГУ. 2001.
3. Бородин В. В., Крусс В. И. *Некоторые философско-правовые проблемы злоупотребления правами и свободами человека* // *Правоведение*. 2002. № 6.
4. Борзенко И. М., Кувакин В. А., Кудишина А. А. *Права человека в системе «человек–универсум»* // *Человечность человека. Основы современного гуманизма*. М. 2005. с. 300–307.
5. Козлихин И. Ю. *Идея правового государства: история и современность*. СПб: Питер. 1993.
6. Демидов А. И. *Политический радикализм как источник правового нигилизма* // *Государство и право*. 1992. № 4.
7. Карпов Л. *Россия и правовое государство* // *Свободная мысль*. 1992. №9.
8. Попов М. Ю., Богданов Н. И., Ерина Т. В. *Правовой нигилизм: его природа и социальные последствия* // *Сборник трудов ИППК при РГУ*. Ростов-на-Дону: ИППК РГУ. 1998.
9. Патрушев С. В. (ред.). *Повседневные практики и процессы институциональной трансформации в России*. М: ИСПИ РАН, 2002.
10. Новиков А.И. *Нигилизм и нигилисты*. М., 1972.

11. Матузов Н.И. Правовой нигилизм и правовой идеализм: Курс лекций // Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 1997.
12. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. №2.
13. Смоленский М.Б. Правовая культура: опыт социокультурного анализа. Ростов н/Д., 2002.
14. Ослунд А. Право в России // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2000. №1.
15. Смоленский М.Б., Дунаева Н.Н. Правовая культура и личность в контексте российской государственности. Ростов-на-Дону, 2002.
16. См.: Общая теория государства и права. Академический курс: В 2 т. / Под ред. проф. М.Н. Марченко. Т. 2. Теория права. М.: Изд-во «Зерцало», 1998.
17. Алексеев С. С. Основы правовой политики в России. М: Республика. 1995.
18. Аринин А. Н. Государство для человека: новая стратегия для России: гражданское общество и правовое государство // ОНС. 2000. № 6.
19. Дугина Е. В. Конфликтогенный потенциал российской либеральной правовой политики. Ростов-на-Дону: РГУ. 2005.
20. Нерсисянц В. С. Государство и право на рубеже веков. Проблемы истории и теории. М. 2001.
21. Исаков Н. В. Правовая политика современной России. Ростов-на-Дону: РЮИ МВД. 2004.
22. Зинченко Г. П. Государственная служба: дисфункции и девиации // Чиновник. 2002. № 1.
23. Здравомыслов А. Г. Власть и общество в России: кризис 90-х годов // ОНС 2000. №6.
24. Путин В. Коррупция. Независимый экспертный доклад. М: Изд-во Солидарности. 2011.

Literature

1. Heidegger M. European nihilism//Heidegger m. time and Genesis. M., 1993. P. 63-176.
2. K. G. Fedorenko legal nihilism. The dissertation on competition of a scientific degree of candidate of legal sciences. Nizhny Novgorod: NSU. 2001.
3. Borodin, Kruss. Some philosophical and legal problems of abuse of human rights and fundamental freedoms//Law. 2002. No. 6.
4. Borzenkov, and M. A. Kuvakin, Kudishina A. A. Human rights in the administration of the "man-universe"/the humanity of man. Foundations of modern humanism. M. 2005. P. 300-307.
5. Goats Li Hing and Y. Idea PRA in in go go soo Dar Church VA: IP then Riya and with time man. Spb: Peter. 1993.
6. Demidov A. Political radicalism as a source of legal nihilism, //State and law. 1992. No. 4.
7. Karpov I. Russia and the rule of law//free thought. 1992. No. 9.

8. *M. y. Popov, n. i. Bogdanov, Erin t. legal nihilism: its nature and social implications//proceedings of the INSTITUTE with the RMT. Rostov-na-Donu: IRPD RMT. 1998.*
9. *Patrushev S. (ed.). Everyday practices and processes of institutional transformation in Russia. M: ISPR RAS, 2002.*
10. *Novikov O.I. Nihilism and nihilists. M., 1972.*
11. *Matuzov N.I. legal nihilism and legal idealism: lectures//theory of State and law. N.I. Matuzov, A.V. Malko. M., 1997.*
12. *Nevvazhaj I.D. Types of legal culture and forms of awareness//Law. 2000. № 2.*
13. *Smolensky M.B. Legal culture: experience and cultural analysis. Rostov н/Д., 2002.*
14. *Aslund A. Right in Russia//constitutional law: Eastern European review. 2000. №1.*
15. *Smolensky M.B., Dunaeva N.N. Legal culture and identity in the context of Russian statehood. Rostov-na-Donu, 2002.*
16. *See: General theory of State and law. Academic course: 2 t., ed. Prof. M.M. Marchenko. T. 2. Theory of law. M.: IZD-vo "Zercalo", 1998.*
17. *Alexeev N. N. Fundamentals of legal policy in Russia. M: Republic. 1995.*
18. *Arinin A. N. State for a human being: a new strategy for Russia: civil society and the rule of law//ons. 2000. № 6.*
19. *Dugina E. Konfliktogenny the potential of Russian liberal legal policy. Rostov-na-Donu: RSU. 2005.*
20. *Nerseyants V.S. State and law at the turn of the century. Problems of history and theory. M. 2001.*
21. *Isakov N. Legal policy of modern Russia. Rostov-na-Donu: RUY MIA. 2004.22.*
22. *Zinchenko P. Public service: dysfunction and deviation//official. 2002. №1.*
23. *Zdravomyslov A.G. Power and society in Russia: the crisis of 90-ies//ONS 2000. No. 6.*
24. *Putin V. Corruption. The independent expert report. Moscow: IZD-vo Solidarnos . 2011.*